

Отметим, что иконописный подлинник, в состав которого входит наш рисунок, содержит и подобного рода композиции.¹¹

Характерно, что надпись-комментарий читается на обороте листа. Это прием, встречающийся в подлинниках, в том числе и в Сийском. Мы не знаем других изображений «трубача», но если они были, то, естественно, надпись «Хитроглаголиво слово. . .» делалась не на обороте настенных листов или картин, а входила в саму композицию, как всякое «изображенное слово» на иконах, лубках, гравюрах.

Надпись ничего не говорит о трубе, но труба, которую держит молодой человек в щегольских одеждах, в контексте надписи символизирует склонность к красивому самовыражению — герой рисунка «трубит о себе», забывая о своем «зломысленном сердце».

Труба как символ часто встречается в русской литературе зрелого XVII в., причем употребление этого образа могло бы стать темой весьма небезынтересного исследования. На нашем рисунке труба имеет явно отрицательный смысл. Однако в торжественно-официозной литературе этих лет образ трубы традиционно употребляется в положительном значении. Например, сборник, входившей тогда в моду южнорусской риторической проповеди, напечатанный в 1674 г., назван «Трубы словес проповедных».¹² В то же время труба символизирует «глас» торжествующей государственности. Песнопение 1676 г., написанное и распетое по случаю венчания на царство Феодора Алексеевича, начинается словами:

Днесь возгреме труба доброгласная
Посреде Великия и Малыя и Белья России
И провозгласи светогласным гласом
Ко всемирному собранию. . .¹³

Труба «провозгласи» идеальное состояние жизни в русском государстве, где якобы все проблемы и трагические противоречия «потребившася и попрашася». От этой «трубы доброгласной» с ее «светогласным гласом» открывался уже прямой путь к реальной и знаменитой трубе, через которую во время пышного театрализованного торжества по случаю штурма Азова в 1696 г. в Москве была сказана народу речь в стихах: молодой Петр «трубил» о своих успехах, открывая новый период русской истории — XVIII век.¹⁴

Назидательный рисунок Василия Кондакова — несомненно реакция традиционно мыслящего человека старого поколения, обращающегося к молодежи с ее новомодными идеалами. Недаром его герой без бороды, но в усах, — нововведение, утвердившееся в моде в петровское время, о носителях которого старообрядческие полемисты писали, что они ходят, «яко коты и псы — усы простирающе». Но это не только выражение взглядов уходящего поколения на молодежь. По-видимому, будучи

В. И. Антонова, Н. Е. Мневa. Каталог древнерусской живописи, т. II. М., 1963, с. 475. Аллегорически-назидательное «Старчества законное изображение» в виде темперных картин нам не известно, но оно имеется в русских гравюрах и подлинниках (Д. Ровинский. Русские народные картинки, кн. III. СПб., 1881, с. 156—157; Н. В. Покровский. Сийский иконописный подлинник, вып. I. — ПДП, вып. CVI. СПб., 1895, с. 30—31).

¹¹ Н. В. Покровский. Сийский иконописный подлинник, вып. I, с. 30—31; вып. IV, с. 172.

¹² Лазарь Баранович. Трубы словес проповедных. Киев, 1674.

¹³ В. Н. Сергеев. Русские песнопения XVII в. на историческую тему. Памятники культуры. Новые открытия. М., 1976, с. 42—43.

¹⁴ Н. Ф. Дробленкова, Л. С. Шепелева. Вирши на взятие Азова в 1697 г. — ТОДРЛ, т. XIV. М.—Л., 1958, с. 427—432; К. Н. Григорьян. Об одной из последних работ Богдана Салтанова. — ТОДРЛ, т. XXIV. М.—Л., 1969, с. 307.